

УДК 903.2

И.Н. Васильева

*Институт истории и археологии Поволжья
ул. Ленинская, 127, Самара, 443041, Россия
E-mail: in.vasil@mail.ru*

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОЕ ГОНЧАРСТВО ВОЛГО-УРАЛЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЕЛШАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ)*

В статье дается характеристика гончарной технологии населения Волго-Уралья в эпоху раннего неолита. Источниковую базу исследования составили результаты технико-технологического анализа 344 образцов керамики (условно отдельных сосудов) с 12 стоянок елшанской культуры (конец VII – VI тыс. до н.э.). Методика исследования разработана А.А. Бобринским и базируется на бинокулярной микроскопии, трасологии и эксперименте в форме физического моделирования. Рассмотрены вопросы появления ранненеолитических гончарных традиций на территории Волго-Уралья и специфики их распространения, а также смещения различных в культурном отношении групп неолитического населения.

Ключевые слова: *ранний неолит, елшанская культура, Волго-Уралье, гончарная технология, культурные традиции.*

Введение

Изучение проблем неолитизации, в т.ч. зарождения и механизмов распространения ранненеолитических гончарных традиций, в современной археологии невозможно без комплексного подхода и привлечения данных естественно-научных дисциплин. Большой вклад в разработку этой проблематики внесен А.А. Бобринским. Вместо умозрительных построений и отдаленных этнографических аналогий, столь характерных для большинства работ по этой теме, им была предложена методика технико-технологического анализа древней керамики; разработан историко-культурный подход к изучению гончарства как источника по истории древнего населения, выдвинuta и обоснована по существу первая археологическая научная гипотеза о происхождении гончарства на базе опыта использования в догончарном периоде органических и других глиноподобных материалов и определены ее археологические свидетельства. Исследования А.А. Бобринского показали важность и перспективность изучения

неолитической гончарной технологии. В данной статье подведены итоги исследования ранненеолитической керамики Волго-Уралья. Обращение к этой теме стало возможным благодаря открытию и активным археологическим раскопкам памятников елшанской культуры самарскими археологами в последней трети XX в. [Васильев, Пенин, 1977; Васильев, Выборнов, 1988; Моргунова, 1995; Мамонов, 2000; Выборнов, 2008] (рис. 1). Первоначально ареал елшанской культуры был ограничен лесостепной зоной между реками Волгой и Уралом, затем расширен за счет включения стоянок Волжского правобережья в пределах Ульяновской обл. и Сурско-Мокшанского междуречья. К настоящему времени исследовано более 20 стоянок, содержащих елшанские комплексы. Имеется представительная серия абсолютных дат. Первые несколько дат, полученные по образцам раковины и кости, имеют очень ранний возраст: $8\ 990 \pm 100$ – $7\ 940 \pm 140$ л.н. [Зайцева, Тимофеев, 1997, с. 113]. В последние годы А.А. Выборновым было проведено массовое датирование неоэнолитической керамики Поволжья и сопредельных регионов в радиоуглеродной лаборатории Института геохимии окружающей среды НАН Украины. Получены 200 дат по неоли-

*Работа выполнена в рамках проектов РГНФ (07-01-26110a/B и 10-01-00393a).

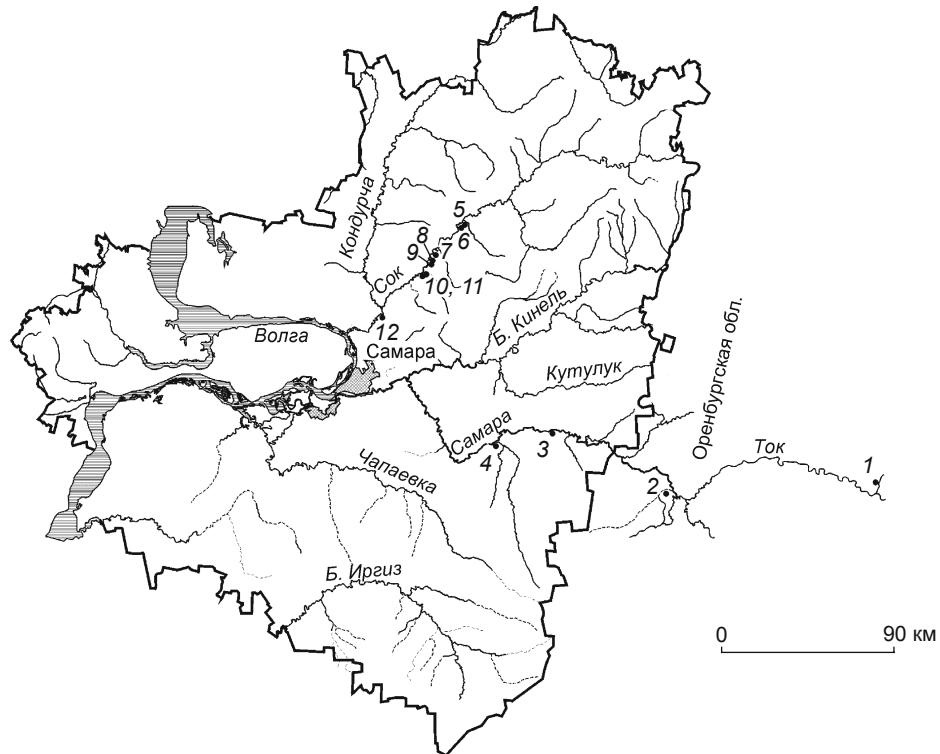

Рис. 1. Карта-схема размещения на территории Самарской и Оренбургской областей памятников елшанской культуры, керамика которых была подвергнута технико-технологическому анализу.

1 – Ивановка; 2 – Старая Елшанка II; 3 – Виловатое I; 4 – Максимовка II; 5 – Нижняя Орлянка II; 6 – Чекалино IV; 7 – Лебяжинка IV; 8 – Лебяжинка V; 9 – Большая Раковка II; 10 – Красный Городок; 11 – Ильинка; 12 – Красный Яр VII.

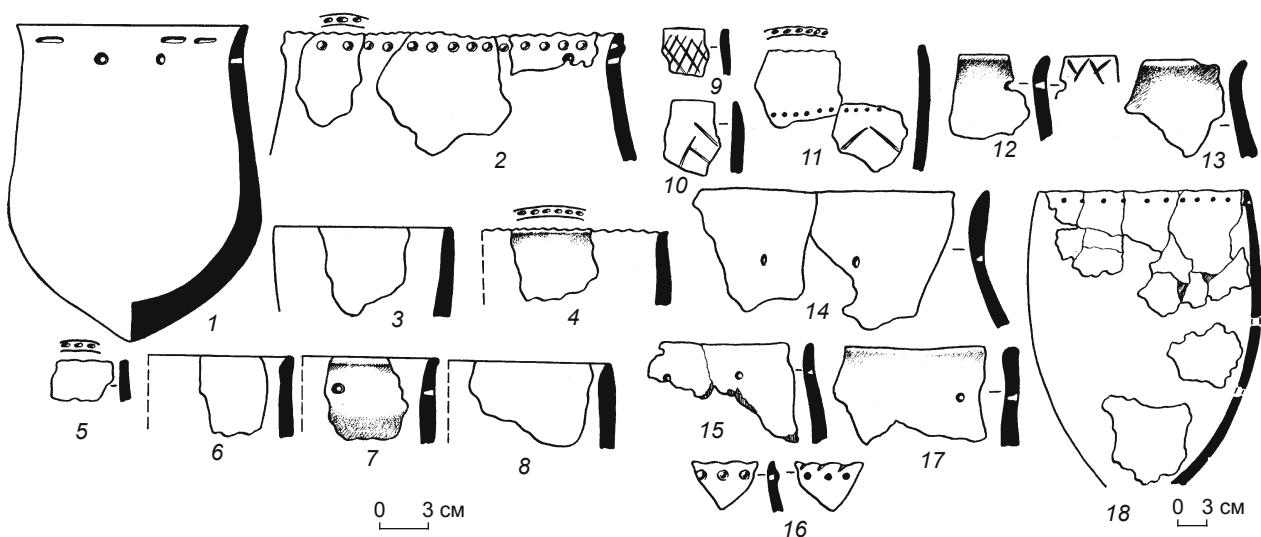

Рис. 2. Морфологические особенности керамики елшанской культуры с памятников Старая Елшанка II (1–11), Максимовка II (12, 13), Максимовка I (14–18).

тической керамике, в т.ч. 20 по волго-уральской елшанской [Выборнов, 2008, с. 239–247]. Основная их часть относится к началу VI – середине V тыс. до н.э. (по традиционной, некалиброванной системе датировки). По мнению большинства исследователей, ел-

шанская – наиболее древняя керамическая культура Восточной Европы.

Керамический материал елшанских стоянок фрагментирован (рис. 2–4). Он представлен тонкостенным сосудами в основном небольших размеров.

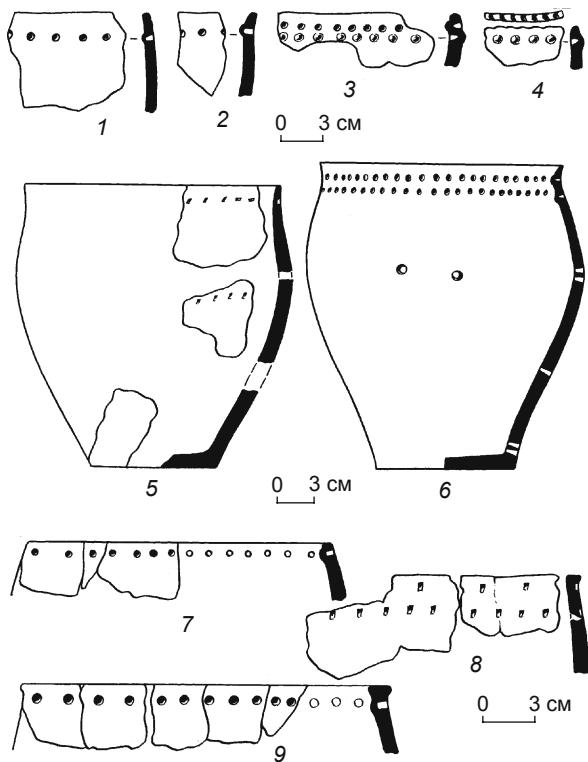

Рис. 3. Морфологические особенности керамики елшанской культуры с памятников Виловатое (1–4), Луговое III (5, 7–9), Красный Городок (6).

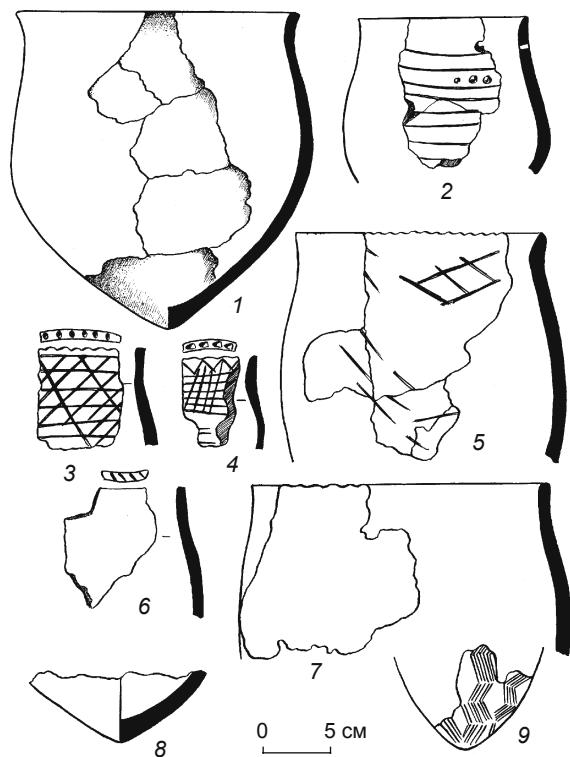

Рис. 4. Морфологические особенности керамики елшанской культуры с памятника Ивановка.

Верхние части сосудов имеют прямую или плавную S-видную профилировку, днища – коническую, иногда шиподонную и очень редко округлую форму. В более позднее время в среде елшанского населения появилась традиция изготовления плоскодонной посуды. В стенках многих сосудов имеются сквозные отверстия, просверленные после обжига и свидетельствующие о практике ремонта сосудов. В составе керамических комплексов различных памятников 20–50 % составляет неорнаментированная керамика. Значительная часть орнаментированной посуды украшена лишь ямочно-жемчужным пояском (горизонтальным рядом ямочных вдавлений с негативом-«жемчужиной» по горловине). В среде елшанского населения получили распространение также техники орнаментирования в виде прочерчивания и накалывания. В целом керамика елшанской культуры характеризуется совокупностью морфологических особенностей, которые отличают ее от других типов неолитической посуды Поволжья и сопредельных регионов.

Результаты исследования технологии изготовления керамики елшанской культуры

Исследование елшанской гончарной технологии проведено в рамках историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства, разработанного А.А. Бобринским [1978, 1999]. Суть данного подхода – системное выявление и изучение приемов изготовления древней керамики. Основными задачами являются реконструкция навыков труда и культурных традиций в изучаемом гончарстве с привлечением технологической информации в качестве источника по истории древнего населения. Методика включает бинокулярную микроскопию, трасологию и физическое моделирование. Объектами изучения выступают технологические следы на сосудах, указывающие на применение гончарами определенных приемов работы. Основой для их идентификации являются сведения, полученные в ходе предшествующих исследований, а также эталонная база, созданная в полевых и лабораторных условиях и хранящаяся в керамической лаборатории Института истории и археологии Поволжья (Самара) [Васильева, Салугина, 1999].

В статье представлены результаты изучения елшанской керамики из культурных слоев 12 стоянок в Волго-Уралье, по материалам которых была первоначально выделена елшанская культура. Памятники расположены в бассейнах рек Самара и Сок – левых притоков Волги. Технико-технологическому анализу были подвергнуты 344 образца: венчики, придонные части и частично сохранившиеся сосуды. Выделение

информации о приемах изготовления керамики в ходе исследования и изложение результатов их изучения в статье производилось в соответствии со структурой гончарного производства, включающей три стадии: подготовительную, созидательную, закрепительную [Бобринский, 1999, с. 9–11].

I. Подготовительная стадия. Анализируются вид и характер исходного пластичного сырья (ИПС), традиции его отбора и обработки, а также рецептура формовочных масс (ФМ). По мнению А.А. Бобринского, к древнейшим видам ИПС в гончарстве Евразии относятся органические материалы животного происхождения (помет птиц, пресноводные моллюски с их раковинами, навоз животных), глины [1978, с. 70–71], а также илы [Бобринский, Васильева, 1998]. В результате технико-технологического анализа ок. 1,5 тыс. образцов неоэнеолитической керамики Поволжья и сопредельных регионов, а также многолетних экспериментальных работ были выделены три вида ИПС, использование которых зафиксировано в древнейшем гончарстве изучаемого региона: 1) илы, 2) илистые глины, 3) глины. Следов привлечения в качестве ИПС помета птиц, навоза животных и моллюсков не выявлено. Подробная характеристика видов сырья и аргументация их выделения опубликованы [Васильева, 1994, 1999, 2006, 2007, 2009]. Напомним, что под *илами* понимаются вязкие, водонасыщенные, неуплотненные илистые осадки, располагавшиеся на прибрежных участках водоемов, современных древним коллективам. В состав илов, кроме глинистого субстрата, входят нитчатые водоросли, остатки сгнивших водных растений, водной фауны (кости и чешуя рыб) и других обитателей, раковины пресноводных моллюсков. Для илов характерно довольно большое содержание железистых соединений, а также часто оолитовых глинистых комочеков. Предполагается, что *илистые глины* также приближены к водоемам, но связаны с другими условиями образования: с береговыми участками, уже более уплотненными залежами пластичного сырья. По своему составу они ближе к глинам, но сохраняют некоторые особенности илов – их органический и органо-минеральный компоненты, но в сильно измельченном перегнившем виде и в значительно меньшей концентрации. А.А. Бобринский отнес данный вид ИПС к горным илам [1999, с. 18]. Поскольку основанием для выделения горных илов послужили главным образом результаты изучения керамики елшанской культуры Волго-Уралья и неолитической керамики Горного Алтая, необходимо подробнее остановиться на вопросе о выделении в качестве одного из древнейших видов пластичного сырья в гончарстве горных илов и илистых глин. По мнению А.А. Бобринского, разделение илистого сырья на равнинные и горные илы характеризует спе-

цифику природных ландшафтов, в рамках которых началось освоение илов (водоемов равнин и сильно изрезанной местности). С учетом этого обращаю внимание на следующее: 1) стоянки елшанской культуры располагаются в левобережье Волги, для которого в целом характерны равнинный рельеф, рыхлый песчано-глинистый состав пород и небольшая высота над уровнем реки; 2) в неолитических слоях исследованных стоянок вместе с елшанскими гончарными изделиями из илистых глин часто залегает керамика средневолжской культуры, изготовленная преимущественно из ила, что свидетельствует о существовании источников этих видов сырья в одном ландшафте; 3) в результате технико-технологического анализа керамики культур с прочерченно-накольчатым орнаментом с территории Украины и юга восточно-европейской части России был выявлен очаг древнего гончарного производства, основанного на илах. Эволюция представлений о пластичном сырье в нем шла по линии илы – илистые глины – глины, что доказано исследованиями керамики Варфоломеевской стоянки, имеющей четкую стратиграфию [Васильева, 2009]; 4) залегание двух видов ИПС в одних физико-географических условиях подтверждается и экспериментальными работами. В ходе осмотра непроточных водоемов (старичных проток и озер) в пойме Волги обнаружены как илы, так и илистые глины. Последние отличаются от ила значительно меньшей концентрацией перегнивших остатков растительности и включений водной фауны, а также их сильной измельченностью. По-видимому, распространение традиций отбора того или другого вида ИПС было обусловлено не физико-географическими особенностями региона, а уровнем развития представлений о сырье, а также культурной спецификой древнего населения. Разделение илов на горные и равнинные нуждается в дальнейшем обосновании, поэтому мною используется термин «илистые глины».

В целом группировка ИПС керамики елшанской культуры произведена в соответствии со следующими уровнями иерархии.

1. Виды ИПС – илов (И) и илистых глин (ИГ) – отражают разные представления древнего населения о пластичном сырье или разные этапы развития этих представлений. Основанием для разделения этих видов ИПС являются концентрация и характер органических остатков [Васильева, 1999, с. 80].

2. Подвиды – И-I, И-II, ИГ-I, ИГ-II – маркируют разные *культурные традиции* отбора сырья: I – запеченного (тощего) и II – слабозапеченного (жирного). Основываясь на этнографических и археологических материалах, А.А. Бобринский отмечал зависимость между различными уровнями представлений о глине как сырье и его свойствами:

жирностью и отощенностью [1978, с. 73–76]. Требования к чистоте, или отощенности, глин у современных гончаров имеют устойчивый характер, поскольку каждая глина нуждается в выработке особых навыков работы. Можно предположить, что выбор неолитическими гончарами жирного или отощенного сырья также был осознанным и устойчивым. Критерии разделения сырья по степени запесоченности опубликованы [Бобринский, 1999, с. 34–35; Васильева, 1999, с. 77–79]. При выделении подвидов ИПС не учитывалась ожелезненность, т.к. было зафиксировано применение только ожелезненного пластичного сырья.

3. Варианты – И-I-р, И-I-б/p, ИГ-II-р, ИГ-I-б/p и т.д. – выделяются по наличию или отсутствию обломков раковин пресноводных моллюсков. Данный компонент ИПС визуально хорошо фиксировался и, очевидно, имел определенное значение при отборе сырья. Раковина – практически обязательная естествен-

енная примесь илов, использовавшихся в гончарстве культур прочерченно-накольчатой керамики юга восточно-европейской части России, и значимый признак керамики этих культур. Поэтому фиксация обломков раковины в ИПС елшанской керамики важна для выяснения процессов смешения неолитического населения Поволжья.

В статье дается общая характеристика традиций отбора сырья и не рассматриваются вопросы о конкретных источниках ИПС, хотя их специфика была выявлена в ходе анализа керамических комплексов отдельных памятников елшанской культуры. Конкретные районы и места добычи пластичного сырья определяются по качественному составу и особенностям таких компонентов, как песок, железистые включения, органика. Здесь приводится лишь краткое описание естественных примесей, наиболее характерных для ИПС елшанской посуды: 1) песок в запесоченных подвидах ИПС представлен тремя фракциями: а) пылевидный, с зернами размером менее 0,1 мм; б) кварцевый и цветной, окатанный, с частицами размером 0,1–0,3 мм; в) такой же, но с зернами большего размера (0,5–1,0 мм), иногда в сочетании с черным и серым песком, уплощенные частицы которого достигают 0,5 мм; 2) бурый железняк в форме оолов размером 1–3 мм, охристобурого цвета с характерной плотной оболочкой, обладающей металлическим блеском, является практически постоянным компонентом запесоченных и слабозапесоченных подвидов ИПС. Иногда встречаются аморфные рыхлые железистые включения красноватого цвета размером менее 0,5 мм; 3) часто фиксируемая примесь в обоих подвидах ИПС – глинистые комочки округлой формы размером 1–3 мм, плотные и рыхлые, с мелким песком. Иногда они пропитаны окислами железа, отчего имеют коричневый цвет в осветленных прослоях излома чептика (рис. 5, 1); 4) обломки раковин пресноводных моллюсков, отмечены в 34 % изученных образцов. Преобладают мелкие (менее 1 мм) полуокатанные включения белого матового цвета, без перламутра, в единичной и незначительной концентрации (рис. 5, 3). В ИПС елшанской керамики полностью отсутствуют целые раковинки брюхоногих моллюсков, столь характерные для илистого сырья керамики Северного Прикаспия; 5) раститель-

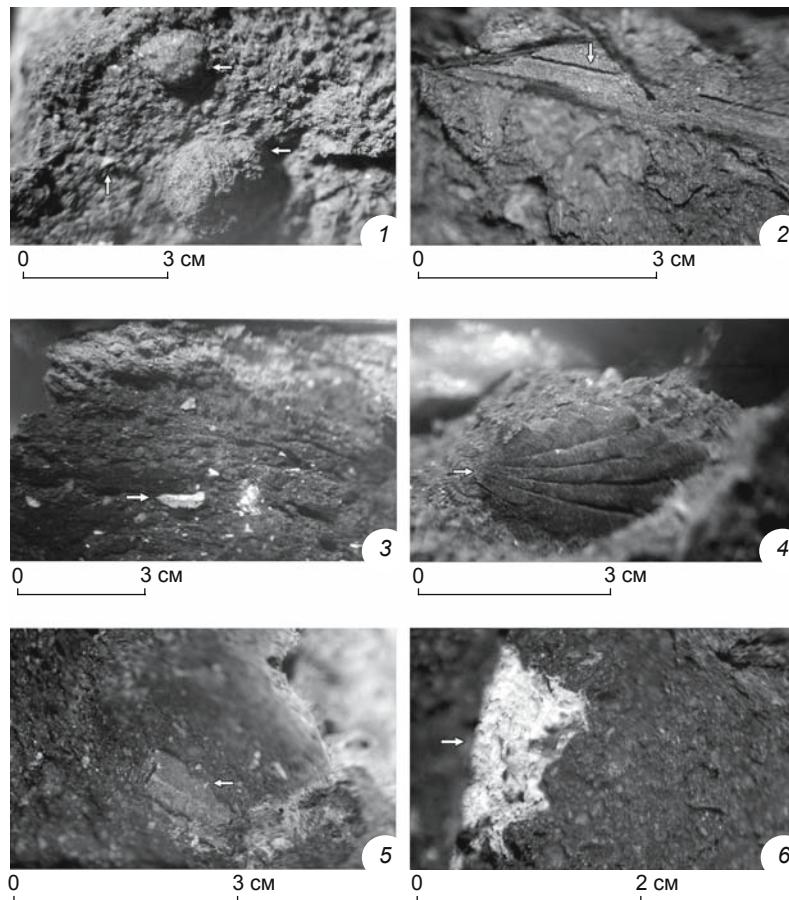

Рис. 5. Технологические особенности изготовления керамики елшанской культуры.

1 – запесоченное исходное сырье с нерастворившимися глинистыми комочками (Нижняя Орлянка); 2 – отпечатки растительности (Ивановка); 3 – единичные включения раковинны (Лебяжинка IV); 4 – отпечаток чешуи рыбы (Ильинка); 5 – фрагмент кости рыбы (Ильинка); 6 – органический раствор (Лебяжинка IV).

Таблица 1. Керамика елшанской культуры из ИПС, ед.

Памятник	Илы					Илистые глины					Итого*	Всего*		
	I тощие		II жирные		Итого*	I тощие		II жирные						
	с рако-винами	без раковин	с рако-винами	без раковин		с рако-винами	без раковин	с рако-винами	без раковин					
<i>Бассейн р. Самары</i>														
Ивановка	9	7	9	1	26 (37)	13	19	11	1	44 (63)	70			
Старая Елшанка II	1	1	—	—	2 (8)	5	17	2	—	24 (92)	26			
Максимовка II	1	1	2	—	4 (50)	1	—	2	1	4 (50)	8			
Виловатое	1	3	2	—	6 (16)	18	12	—	1	31 (84)	37			
<i>Бассейн р. Сок</i>														
Чекалино IV	2	2	—	—	4 (13)	8	17	—	1	26 (87)	30			
Лебяжинка IV	—	—	—	—	—	1	26	—	5	32 (100)	32			
Лебяжинка V	2	—	—	1	3 (9)	16	13	—	—	29 (91)	32			
Ильинка	1	—	—	—	1 (3)	5	30	—	—	35 (97)	36			
Большая Раковка II	—	—	—	—	—	—	17	—	1	18 (100)	18			
Нижняя Орлянка II	1	—	—	—	1 (2)	2	42	—	7	51 / (98)	52			
Красный Городок	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1 (100)	1			
Красный Яр VII	—	—	—	—	—	1	1	—	—	2 (100)	2			
<i>Всего*</i>	18	14	13	2	47 (14)	71	194	15	17	297 (86)	344			

*В скобках указан %.

ные остатки в обоих подвидах ИПС представлены детритом – измельченными обрывками растительных тканей размером менее 1–2 мм, а также нитевидными отпечатками водных и околоводных растений длиной 1,5–3,0 см, диаметром ок. 0,1 мм (рис. 5, 2); 6) организма животного происхождения – фрагменты костей и чешуи рыб – встречается значительно реже, чем растительная, – 14 % от всего количества изученных образцов (рис. 5, 4, 5).

Согласно результатам изучения ИПС керамики елшанской культуры, преобладала посуда из илистых глин: 86 % от общего числа изученных сосудов (табл. 1). Изделия из запесоченных илистых глин составляют ок. 90 % от общего числа сосудов из илистых глин. Всего 27 % посуды из запесоченных илистых глин содержит естественную примесь раковины. В большинстве образцов данный компонент фиксируется только с помощью микроскопа, из чего можно сделать вывод, что присутствие раковины не являлось критерием отбора сырья.

Отсутствие в черепке линз или вытянутых слоев чистой глины, характерных для ИПС в сухом состоянии, и признаков дробления сырья, а также полная промешанность формовочных масс указывают на то, что илы и илистые глины использовались в состоянии естественной увлажненности.

На ступени составления формовочных масс зафиксированы следующие рецепты: 1) ИПС + ОР

(органические растворы); 2) ИПС + ОР + Ш (шамот)* (табл. 2). В незначительном количестве образцов присутствие каких-либо искусственных добавок не выявлено.

В елшанском гончарстве наиболее массовой являлась традиция составления формовочных масс с органическими растворами. *Органические растворы* представлены в черепке изучаемой керамики аморфными полостями размером 1–5 мм, стенки которых покрыты белым веществом (рис. 5, 6), маслянистым коричневато-черным налетом и блестящими прозрачными пленками. Термин «органические растворы» введен в научный оборот А.А. Бобринским. По его мнению, к ним относятся различные kleящие природные вещества растительного и животного происхождения, вводившиеся в формовочные массы с целью придания керамике прочности, влагонепроницаемости и др. [Бобринский, Васильева, 1998, с. 212]. Использование таких рецептов, по-видимому, больше связано с задачами закрепительной стадии, поэтому при характеристике этой традиции следует акцентировать внимание на подготовке формовочных масс из одного сырья, без искусственных ми-

*В небольшой части керамики с шамотом четкие признаки органических растворов не обнаружены, но я не стала выделять отдельный рецепт ИПС + Ш, т.к. это нуждается в дополнительной проработке.

Таблица 2. Керамика елшанской культуры из формовочных масс разных рецептов, ед.*

Стоянка	ИПС без примесей	ИПС + ОР	ИПС + ОР + Ш	Всего
<i>Бассейн р. Самары</i>				
Ивановка	4 (6)	22 (31)	44 (63)	70
Старая Елшанка	—	25 (96)	1 (4)	26
Максимовка II	1 (12)	7 (88)	—	8
Виловатое	—	34 (92)	3 (8)	37
<i>Бассейн р. Сок</i>				
Чекалино IV	1 (3)	29 (97)	—	30
Лебяжинка IV	—	30 (94)	2 (6)	32
Лебяжинка V	—	32 (100)	—	32
Ильинка	5 (4)	31 (86)	—	36
Большая Раковка II	—	18 (100)	—	18
Нижняя Орлянка II	—	52 (100)	—	52
Красный городок	—	1 (100)	—	1
Красный Яр VII	—	2 (100)	—	2
<i>Всего</i>	11 (3)	283 (82)	50 (15)	344

*В скобках указан %.

неральных добавок. Вторая традиция составления формовочных масс, значительно менее распространенная, чем первая, предполагала добавление минеральной примеси – шамота. Рецепты с шамотом зафиксированы в материалах всего нескольких стоянок елшанской культуры. Наиболее массово они представлены в керамическом комплексе Ивановской стоянки (Оренбургская обл.). Преобладает рецепт, в котором доля шамота невелика – 1/4 или чаще 1/5. Шамот не калиброван, хотя его размеры в целом менее 2–3 мм. Сосуды, раздробленные на шамот, были изготовлены в основном из запесоченного сырья. В некоторых включениях шамота в качестве примеси присутствует естественная раковина.

В целом подготовительную стадию елшанского гончарного производства характеризуют: 1) преимущественное использование в качестве сырья для производства посуды илистых глин; 2) отбор в основном запесоченного ожелезненного сырья без раковины; 3) использование ИПС в увлажненном состоянии; 4) бытование двух традиций составления формовочных масс: ИПС + ОР и ИПС + ОР + Ш.

II. Созидательная стадия. Рассматриваются конструирование сосудов (начинов, полого тела), способы придания им окончательной формы, а также приемы обработки их поверхностей. Фрагментированное состояние большей части керамики елшанской культуры позволяет определить лишь общие приемы изготовления посуды. Носители елшанской культуры конструировали сосуды лоскутным налепом с использованием различных форм-моделей, поэтому создание начина, полого тела и формообра-

зование было единым процессом, не расчлененным на этапы. Часть сосудов S-видной профилировки изготовлена зональным лоскутным налепом. Такой вывод базируется на совокупности признаков лоскутного налепа [Бобринский, 1978, с. 139–141], а также результатах анализа экспериментальных эталонов по лоскутному налепу [Васильева, Салугина, 2010]. Строительными элементами служили лоскуты – небольшие порции формовочной массы длиной 4–5 см и толщиной до 1 см (рис. 6, 1, 2). Признаками применения форм-моделей являются складки, морщинистость, отпечатки волос животных на внутренних и внешних поверхностях сосудов (см. рис. 6, 3–5). Об использовании прокладок из шкур свидетельствуют отпечатки «клубков» спутавшейся длинной шерсти. По-видимому, в качестве форм-моделей служили плетеные корзины или специальные деревянные «болванки». По характеру ямок и их негативов-«жемчужин» можно определить, что на основной части елшанских сосудов они нанесены ровно, четко, с целью украшения. Однако имеются сосуды, на которых ямки неровные, «жемчужины» стерты последующим заглаживанием (рис. 6, 7). На сосуде со стоянки Нижняя Орлянка II между «смятыми», частично затертymi ямками сохранились отпечатки ремешка (рис. 6, 6). Эти наблюдения позволяют предположить изначальную связь данного орнамента с технологией изготовления сосудов. Возможно, ямки образовывались в результате проникновения выступающих концов прутьев плетеных корзин в формовочную массу при обмазывании формы-модели. К концам ремешками могли прикрепляться кожаные

мешочки-прокладки. Опираясь на результаты микроскопического изучения линий спаев и систем наложения лоскутков в изломах елшанских сосудов, а также их сравнения с эталонами, можно предположить применение как форм-емкостей, так и форм-основ.

При использовании форм-моделей формообразование происходило уже в процессе конструирования, а форма сосуда задавалась формой самой модели. Дополнительным приемом формообразования было выбивание. Толщина стенок елшанских сосудов иногда достигает всего 3–4 мм. В некоторых случаях выбивание производилось, по-видимому, через шкуры животных, в результате на выбиваемой поверхности появились отпечатки волос. Использование форм-моделей и лоскутного налева в елшанском гончарстве может указывать на единовременность решения трех узких технологических задач: конструирования начина и полого тела, а также придания сосуду формы. Данные приемы относятся к начальным звеньям эволюционной цепочки развития навыков ручного конструирования.

Основными способами обработки поверхностей елшанских сосудов были простое заглаживание и уплотнение (лощение без характерного матового блеска) (рис. 6, 8). Заглаживание производилось орудиями из дерева или кости, а также мягкими материалами (кожей?). Уплотнение могло осуществляться отполированными твердыми предметами (галькой, костью). Следы уплотнения обнаружены как на внутренних, так и на внешних поверхностях сосудов.

В целом состав традиций елшанских гончаров на созидательной стадии включал: 1) приемы лоскутного налепивания при конструировании сосудов; 2) применение форм-моделей и приема выбивания для придания сосудам окончательной формы; 3) простое заглаживание и уплотнение (на ступени обработки поверхностей).

III. Закрепительная стадия (придание прочности и устранение влагопроницаемости). Большинство фрагментов елшанских сосудов обладает значитель-

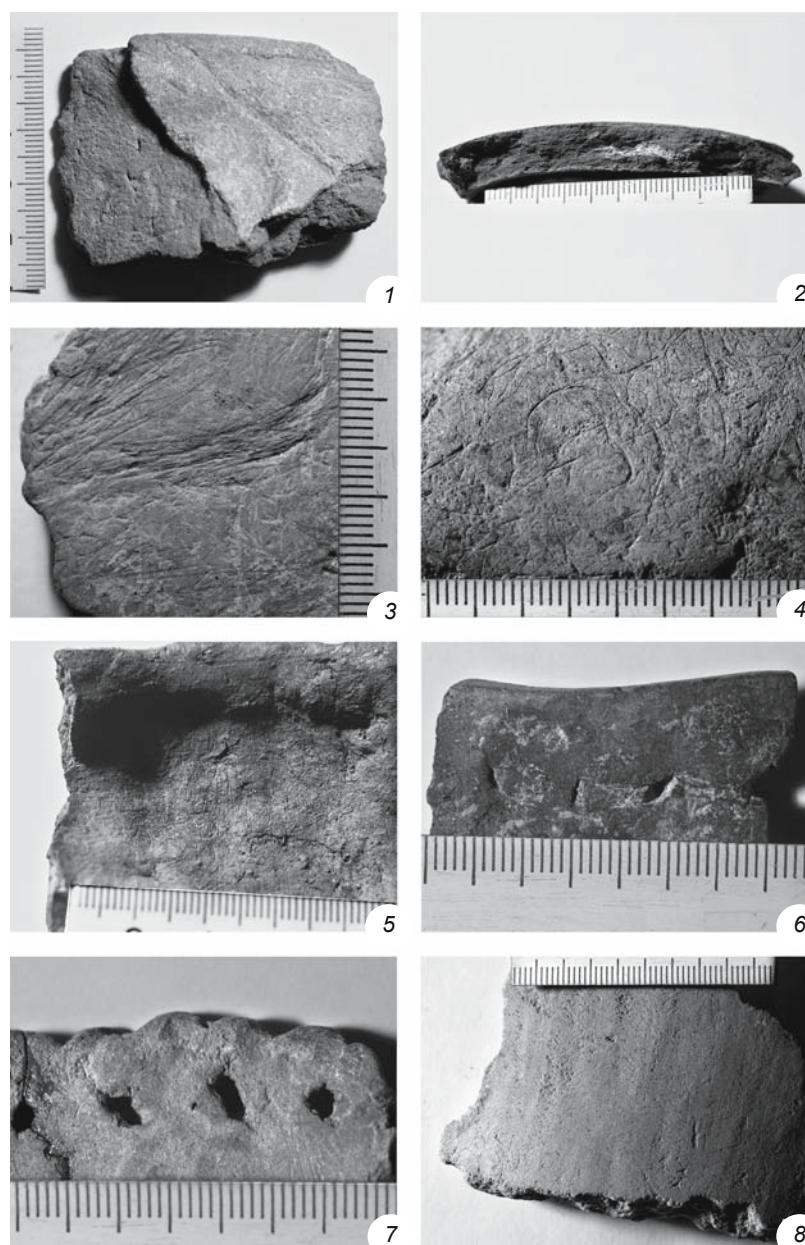

Рис. 6. Технологические особенности изготовления керамики елшанской культуры.

1, 2 – признаки лоскутного налева (Лебяжинка IV, Нижняя Орлянка); 3–5 – признаки использования шкур в процессе формообразования (Максимовка, Нижняя Орлянка); 6 – отпечаток ремешка между ямками (Нижняя Орлянка); 7 – деформированные ямки на внутренней поверхности сосуда (Старая Елшанка); 8 – признаки обработки поверхности способом уплотнения (Ильинка).

ной механической прочностью. Излом черепка: а) однотонный серый, б) трехслойный (с осветленными поверхностными прослойками и темно-серой сердцевиной) или в) двухслойный (со светло-коричневым прослоем у внешней или внутренней поверхности и темно-серой остальной частью черепка). Керамика длительно обжигалась в основном при низких температурах в восстановительной среде с кратковремен-

ным пребыванием в условиях температур каления (выше 650 °C), о чем можно судить по окрашенности поверхностных слоев в теплые тона (светло-коричневый) и отсутствию остаточной пластичности. Для придания прочности елшанская керамика подвергалась обжигу, использовались также холодные способы, предполагавшие введение органических растворов. Таким образом, в елшанском гончарстве прослежено распространение смешанных способов придания прочности – с помощью холодного и горячего (термического) воздействия – и применение приемов неполной выдержки изделий при температурах каления глины, в результате чего они приобретали двух-трехслойную окраску в изломе. Это позволяет считать навыки труда елшанских гончаров на закрепительной стадии частично сформированными [Бобринский, 1999, с. 85–89, 105].

В целом структуру елшанской гончарной технологии следует охарактеризовать как *простую* (десять обязательных и одна дополнительная (орнаментирование) ступеней), а гончарное производство отнести к *протогончарным*. Важно отметить, что в гончарстве преобладающей части елшанского населения илистые глины выполняли функцию моносыря (Ф 4 [Бобринский, 1999]). Судя по результатам радиоуглеродного датирования керамики с шамотом [Выборнов, 2008, с. 241], позднее распространились традиции производства елшанской керамики, в которых илистые глины служили основным сырьем (Ф 3 [Бобринский, 1999]), к которому добавлялась минеральная примесь (шамот).

Обсуждение результатов

Данные о елшанской гончарной технологии могут быть привлечены для обсуждения ряда вопросов историко-культурного характера. Наиболее актуальный и сложный из них – вопрос о генезисе елшанских комплексов в Волго-Уралье. Высказанные в ходе его обсуждения точки зрения можно свести к двум гипотезам: миграционной и «автохтонной». Первая из них была выдвинута И.Б. Васильевым, впервые изучившим и выделившим елшанские комплексы [Васильев, Пенин, 1977, с. 18], и окончательно сформулирована позднее совместно с А.А. Выборновым [Васильев, Выборнов, 1988, с. 51]. Исследователи отрицают наличие явных генетических корней елшанской культуры в Волго-Уралье и считают, что данная культура складывалась под влиянием импульсов, эпицентром которых были восточно-каспийские и среднеазиатские неолитические культуры. По предположению исследователей, неолитические коллективы охотников и рыболовов двигались из Приаралья и Восточного Прикаспия в лесостепное Поволжье в обход Прикаспийской низменности, где проживали

инокультурные группы населения, по предгорьям Уральских гор, затем по рекам Уралу и Самаре [Васильев, Выборнов, 1988, с. 24]. В 2000-е гг. были высказаны другие версии миграционной гипотезы, авторы которых усматривали истоки этой ранненеолитической культуры на Балканах и в Приазовье. Подробный анализ этих точек зрения представлен в работе А.А. Выборнова [2008, с. 97–102]. Гипотеза об автохтонном происхождении елшанских комплексов раннего этапа волго-уральской культуры была выдвинута Н.Л. Моргуновой, которая не исключала также «импульса идеи гончарного производства... привнесенного волнами более южного пришлого населения» [1995, с. 55–57]. Окончательно сформулировал «автохтонную» гипотезу А.Е. Мамонов. По его мнению, в основе культуры – автохтонная мезолитическая елшанская кремневая индустрия, не связанная с немногочисленными найденными в Волго-Уралье геометрическими микролитами; елшанское гончарство своим появлением обязано местным региональным традициям [2000, с. 156–157].

Данные по елшанской гончарной технологии дают основание предположить ее неместный характер. Если исходить из гипотезы о происхождении гончарства на базе опыта использования органических и илистых материалов, то в ранних керамических комплексах на территории очагов зарождения керамического производства должны остаться «следы» догончарного периода, связанные с составлением определенных рецептов формовочных масс и использованием огня не для обжига керамики, а только как объекта почитания, обладавшего очистительными и другими магическими свойствами [Бобринский, 1999, с. 96–97]. Елшанское гончарство характеризуется использованием илистых глин, а не илов и уже частично сформированными навыками придания прочности гончарным изделиям. Освоение того или иного вида ИПС – длительный процесс формирования представлений о нем как пластичном сырье для производства посуды. Примером продолжительного эволюционного развития может служить гончарство населения культур прочерченно-накольчатой керамики (Нижнее Поволжье, часть Украины), зародившееся на базе опыта использования илов. Согласно абсолютным датам, данный процесс протекал неравномерно более 1,5 тыс. лет и отражал освоение ИПС в направлении илистые глины – глины. Например, носители орловской культуры использовали илистые глины и глины уже в ранний период среднего неолита (Варфоломеевка, слой 3) [Васильева, 2009], однако часть из них сохраняла представления об илах и в более позднее время (Орловская стоянка) [Васильева, 2008]. В Северном Прикаспии эволюционные изменения в гончарстве не были восприняты группой поздненеолитического населения, оставившего стоянку Тентек-сор I [Васильева, 1999].

В Волго-Уралье гончарные традиции елшанского населения появились, будучи более развитыми по сравнению с синхронными гончарными технологиями культур прочерченно-накольчатой керамики. Можно предположить, что начальные этапы эволюции елшанского гончарства связаны с территорией, которая не входит в изучаемый регион.

В связи с вышесказанным встает вопрос о механизме распространения ранненеолитических гончарных традиций в Волго-Уралье. Работы А.А. Бобринского убедительно доказали, что освоение приемов изготовления посуды в любом гончарстве носит эмпирическую форму, для обучения им необходимо длительное время. Передача технологической информации в традиционных обществах от одного поколения к другому совершалась только по родству или свойству [Бобринский, 1999, с. 49–52]. Следовательно, возникновение и функционирование гончарного производства в Волго-Уралье было возможно только при наличии устойчивых контактов между местными позднемезолитическими коллективами и пришлым неолитическим населением, владевшим гончарными навыками. Как считает большинство исследователей елшанской кремневой индустрии, особенности первичного расщепления и вторичной обработки кремня уходят корнями в местные мезолитические традиции, т.е. мужская часть населения Волго-Уралья продолжала местные традиции камнеобработки, а значит, кардинальной смены населения в неолите не произошло [Мамонов, 2000, с. 157]. Таким образом, можно предположить, что миграции неолитических охотников носили кратковременный сезонный характер, поэтому практически не оставили археологических свидетельств. Однако в ходе этих передвижений, возможно, устанавливались устойчивые брачные отношения с северными мезолитическими коллективами. Именно женщины – носительницы гончарных традиций, вышедшие замуж за иноплеменников и переселившиеся на их территорию, могли основать здесь производство посуды и передать свои трудовые навыки следующим поколениям, благодаря чему местная мезолитическая культура приобрела новый облик.

Нельзя обойти вниманием вопрос о роли елшанской культуры в формировании средневолжской неолитической культуры. По мнению большинства исследователей, елшанская культура относилась к раннему неолиту и явилась основой для сложения средневолжской (или волго-уральской) культуры развитого неолита, которое происходило при участии носителей культур прочерченно-накольчатой керамики Нижнего Поволжья. А.А. Ластовский, возражающий против выделения елшанской культуры, считает, что «керамика елшанского типа не образует отдельную культуру, она имеет сквозное развитие от ранне-

го неолита к энеолиту» [2006, с. 112]. Полученная недавно серия радиоуглеродных дат по елшанской керамике как будто подтверждает тезис о длительности существования этой культуры – от начала VI до середины V тыс. до н.э. Согласно данным по гончарной технологии и абсолютным датам для керамики отдельных памятников, вероятно, в течение весьма продолжительного времени в Волго-Уралье проживали носители устойчивых гончарных традиций (см. табл. 1). Устойчивость любого гончарного производства обеспечивается следующими факторами: «1) изготовлением привычных (традиционных) форм посуды; 2) наличием устойчивой среды ее потребителей; 3) наличием технических средств изготовления посуды; 4) доступностью сырья» [Бобринский, 1999, с. 48–49]. То, что на протяжении тысячелетия елшанская гончарная технология в Волго-Уралье почти не претерпела изменений, свидетельствует о наличии всех перечисленных условий, а значит, среды производителей и потребителей традиционной елшанской посуды. Следует отметить, что некоторые изменения в данной группе неолитического населения Волго-Уралья произошли: появилась плоскодонная керамика, изготовленная в соответствии с елшанскими технологическими и орнаментальными традициями (Красный Городок). Причины этого становятся понятными, если рассмотреть еще одну часть неолитической керамики, представленной на памятниках региона, которая включает посуду елшанских форм с ямочно-жемчужным поясом, но изготовленную из пелогенового ила, и плоскодонные сосуды с накольчатым орнаментом, но сделанные по елшанской технологии. Такая керамика могла распространяться только в результате смешения елшанских коллективов с группами носителей более южных культур прочерченно-накольчатой керамики. Миграция неолитического населения из Нижнего Поволжья в Волго-Уралье, которая признается всеми исследователями, аргументирована результатами анализа форм и орнаментов сосудов, а также кремневых комплексов. Радиоуглеродные даты для ранних комплексов керамики с прочерченным орнаментом Северного Прикаспия (Каиршак III: $7\ 950 \pm 90$ л.н.) совпадают с датами для елшанской керамики (Ивановка: $7\ 930 \pm 90$ л.н.). Керамика из нижнего слоя Варфоломеевской стоянки, расположенной в степном Поволжье, датируется от $7\ 760 \pm 100$ до $7\ 250 \pm 80$ л.н., а керамика с накольчатым орнаментом Ивановки – $7\ 060 \pm 100$ л.н. [Выборнов, 2008, с. 239–241]. Таким образом, елшанская культура существовала в Волго-Уралье уже длительное время, когда туда пришли группы неолитического населения с традициями изготовления из илов плоскодонной керамики с накольчатым орнаментом. По-видимому, произошло смешение одной части «елшанцев» с пришлым населением,

в результате чего появилась новая средневолжская культура. Другая часть в течение какого-то времени сохраняла специфику форм своей посуды, орнаментальных традиций и гончарной технологии.

Особого рассмотрения требует вопрос о различиях в представлениях елшанских гончаров о сырье. По результатам технико-технологического анализа выделяются две группы населения, которые изготавливали керамику елшанского типа. Одна использовала илистые глины в качестве моносырья (большая часть материалов памятников в Самарском Поволжье), а вторая добавляла к илистой глине минеральную дробленую примесь – шамот (Ивановка, стоянки на правобережье Волги: Елшанка-10, Выюново, Молебное Озеро). Традиция последней отражает существенное изменение в представлениях о пластичном сырье. В этой динамике можно видеть следующий шаг в эволюции взглядов на илистое сырье – переход от моносырья к смеси сырья и искусственных добавок [Бобринский, 1999, с. 78–79]. Керамика елшанского типа с шамотом в формовочной массе датируется более поздним периодом, чем елшанская посуда, изготовленная без минеральных добавок (Ивановка: $7\ 780 \pm 90 - 7\ 680 \pm 90$ л.н.) [Выборнов, 2008, с. 241]. Это позволяет предположить, что контакты елшанского населения с неолитическими коллективами носителей знаний о гончарном производстве, по-видимому, закрепленные в брачных отношениях, не прерывались в течение длительного времени; возможно, благодаря им «елшанцы» познакомились с новыми тенденциями развития и достижениями в области гончарства.

Результаты изучения гончарной технологии могут помочь в определении истоков ранненеолитических гончарных традиций Волго-Уралья. Уже сегодня есть основание отказаться от их поиска на более южных и юго-западных территориях, занятых в эпоху неолита в основном носителями культур прочерчено-накольчатой керамики. В ходе изучения неолитической гончарной технологии была выявлена традиция использования илов в качестве древнейшего пластично-го сырья на территории Украины (буго-днестровская и днепро-донецкая культуры), в степном Поволжье (орловская культура) [Васильева, 2008, 2009], Нижнем Подонье (Ракушечный Яр), Северо-Западном Прикаспии (Джангар), Северном Прикаспии (нижневолжская культура) [Бобринский, Васильева, 1998; Васильева, 1999]. Здесь практически повсеместно фиксируются признаки процесса перехода в гончарной технологии от илов к илистым глинам, который сопровождается формированием традиции введения в формовочную массу искусственной дробленой раковины, но не выявлены свидетельства распространения «шамотной» традиции.

Рассматривая юго-восточный вектор поиска истоков елшанской культуры, отметим, что специаль-

ное изучение неолитической гончарной технологии Восточного Прикаспия и Приаралья почти не проводилось. С помощью микроскопа мне удалось исследовать около десятка образцов керамики со среднеазиатских стоянок Учаши-159 и Чарбакты (раскопки Хорезмской экспедиции). Было установлено, что посуда изготовлена из незапесоченных и запесоченных илистых глин без искусственных добавок. В ходе микроскопического изучения неолитической керамики из пещеры Джебел (Туркменистан), проведенного известным ученым-керамистом А.Н. Августинником и В.И. Барановой, были определены мелкие округлые и угловатые обломки раковины («карбоната кальция органического происхождения» размером 2–3 мм и менее), а также углистые органические остатки [Августинник, Баранова, 1956, с. 226]. Сочетание естественных примесей раковины и растительности как будто указывает на использование илистого сырья. По мнению исследователей джебелской керамики, в формовочные массы могли добавляться жидкые органические вещества (молоко, мочевина), которые обеспечивали механическую прочность черепка [Там же, с. 222]. Для большинства неолитических комплексов Приаралья характерно сочетание «грубой шамотной керамики» и тонкостенной слабоорнаментированной керамики с «растительной примесью» [Виноградов, 1981, с. 93]. В целом накопленные к настоящему времени немногочисленные сведения пока не позволяют сделать однозначного вывода о близости древнейшего гончарства этого региона и ранненеолитических гончарных традиций Волго-Уралья. Вместе с тем юго-восточный вектор поисков, указанный первыми исследователями елшанской культуры, представляется наиболее перспективным.

Список литературы

- Августинник А.Н., Баранова В.И.** Технологическая характеристика черепков Джебела // Тр. Южно-Туркменской археологической экспедиции. – Ашхабад: Изд-во АН ТуркмССР, 1956. – Т. VII. – С. 222–227.
- Бобринский А.А.** Гончарство Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – 272 с.
- Бобринский А.А.** Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 5–109.
- Бобринский А.А., Васильева И.Н.** О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1998. – С. 198–217.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А.** Неолит Поволжья (степь и лесостепь). – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. пед. ин-та, 1988. – 112 с.
- Васильев И.Б., Пенин Г.Г.** Елшанские стоянки на реке Самаре в Оренбургской области // Неолит и бронзовый век

Поволжья и Приуралья. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. пед. ин-та, 1977. – С. 3–22.

Васильева И.Н. Илы как исходное сырье для древнейшей керамики Поволжского региона // Тез. Междунар. конф. по применению методов естеств. наук в археологии. – СПб., 1994. – Т. II. – С. 111.

Васильева И.Н. Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // Вопросы археологии Поволжья. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. – Вып. 1. – С. 72–96.

Васильева И.Н. К вопросу о зарождении гончарства в Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. – Самара: Науч.-техн. центр, 2006. – Вып. 4. – С. 426–439.

Васильева И.Н. О гончарной технологии населения Волго-Уралья в эпоху неолита (по материалам Ивановской стоянки) // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2007. – С. 23–38.

Васильева И.Н. О технологии изготовления керамики Орловской стоянки // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. – Самара: Изд-во Самар. обл. ист.-краевед. музея им. П.В. Алабина, 2008. – С. 40–47.

Васильева И.Н. Об эволюции представлений о пластическом сырье в среде неолитического населения степного Поволжья (по материалам Варфоломеевской стоянки) // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. – Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2009. – С. 65–77.

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Работы экспедиции по экспериментальному изучению гончарства // Вопросы археологии Урала и Поволжья. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 234–257.

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Лоскутный налеп // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. – М.: ИА РАН, 2010. – С. 72–87.

Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. – М.: Наука, 1981. – 173 с.

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2008. – 490 с.

Зайцева Г.И., Тимофеев В.И. Радиоуглеродные даты памятников мезолита – энеолита юга Европейской России и Сибири // Радиоуглерод и археология. Ежегодник радиоуглеродной лаборатории. – СПб., 1997. – Вып. 2. – С. 109–115.

Ластовский А.А. О культурном статусе керамики елшанского типа // Вопросы археологии Поволжья. – Самара: Науч.-техн. центр, 2006. – Вып. 4. – С. 107–113.

Мамонов А.Е. Ранний неолит. Елшанская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. – Самара: Центр «Интеграция», 2000. – С. 147–176.

Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. – Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ин-та, 1995. – 222 с.

Материал поступил в редакцию 13.01.10 г.